

Historia Universalis de Ars

Петр ГНЕДИЧ



ЭПОХА
ВОЗРОЖДЕНИЯ

Петр Петрович Гнедич
Эпоха Возрождения
Серия «Всеобщая история искусств»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56810091
Петр Гнедич Эпоха Возрождения:
ISBN 978-5-17-122554-4

Аннотация

Настоящая книга посвящена периоду Возрождения, эпохе, которая подарила мировой культуре великие европейские имена художников и скульпторов. Автор «Всеобщей истории искусств» П. П. Гнедич блестяще представляет каждое из этих имен. Для полноты представленной перед читателем картины русский историк Т. Н. Грановский увлеченно рассказывает о канве исторических событий, в которой творили титаны эпохи Возрождения.

Содержание

Предисловие	6
«Человек – мера всех вещей»	8
Италия в эпоху Возрождения	20
I	22
II	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Петр Гнедич

Эпоха Возрождения

Серия «Всеобщая история искусств»

© Д. В. Феоктистов, иллюстрации

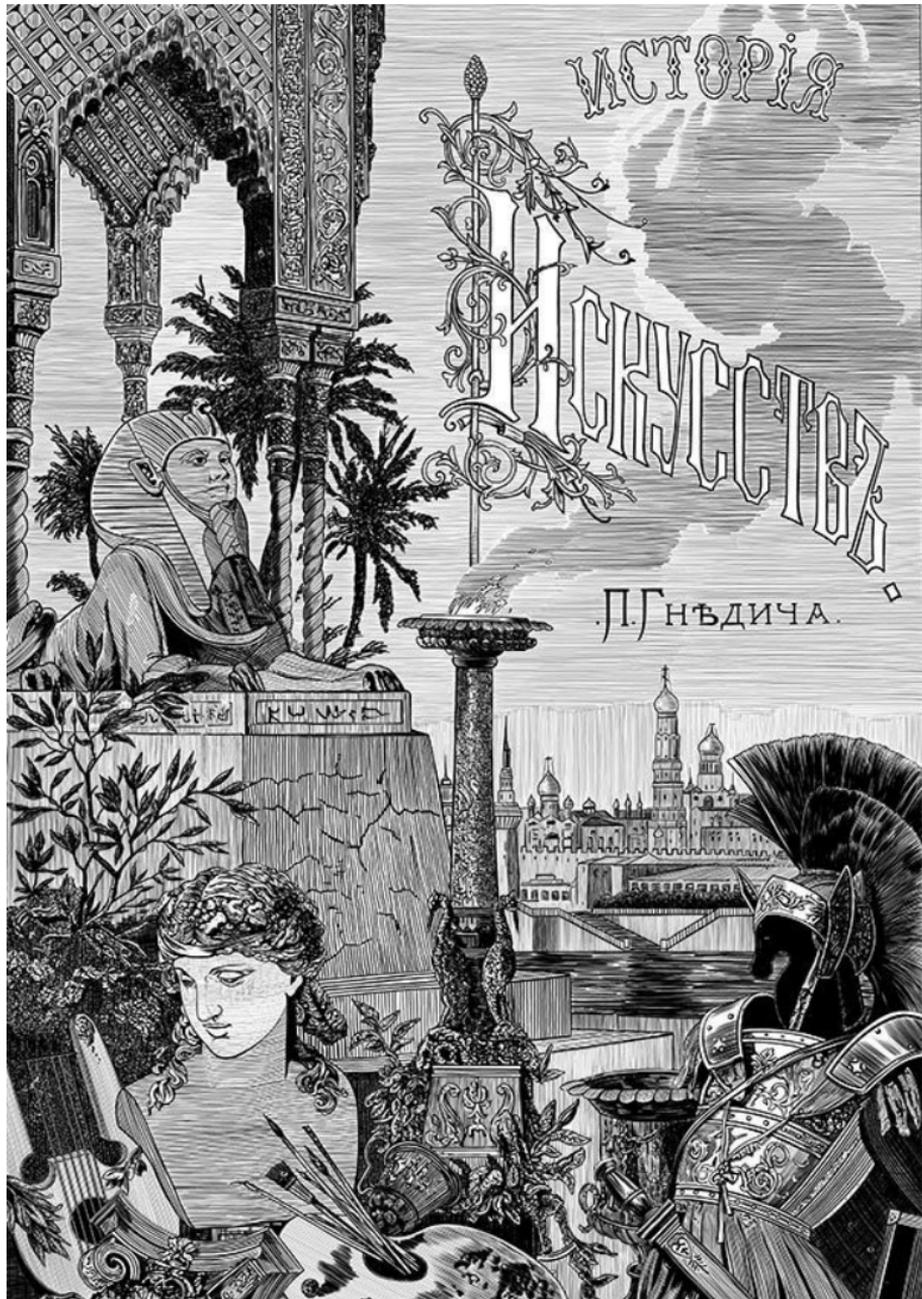
© Издательство АСТ, 2020

* * *

ИСТОРИЯ

ИСКУССТВО

Д. Г. НЬДИЧА.



Предисловие



Эпоха Возрождения соткана из множества великих имен – Рафаэль, Микеланджело, Леонардо да Винчи, Дюрер, – всех и не перечить. Но одновременно с этим эпоха Возрождения – это и костры инквизиции, и смех Франсуа Рабле, и философские размышления Мишеля Монтеня, и ужасы Варфоломеевской ночи. Именно потому представлять эту эпоху будут два примечательных отечественных историка. К голосу искусствоведа Петра Петровича Гнедича (1855–1925) добавится голос профессора Московского университета Тимофея Николаевича Грановского (1813–1855). Курсы этих двух лекторов собирали многочисленные аудитории в свое время, будоражили не только студенческие умы и провоцировали каждого, любящего историю, к правильной формулировке вопросов. По нашему мнению, синтез этих двух работ позволяет сложить органичную палитру европейской истории. Почему и как искусство античности возродилось именно в конце XV века, какие преломления оно претерпело в различных европейских странах, какие уроки оставило своим потомкам, – представлено в этой книге. И начинается она с размышлений Т. Н. Грановского о коллизиях мировой истории и о соразмерности человека ее творениям.

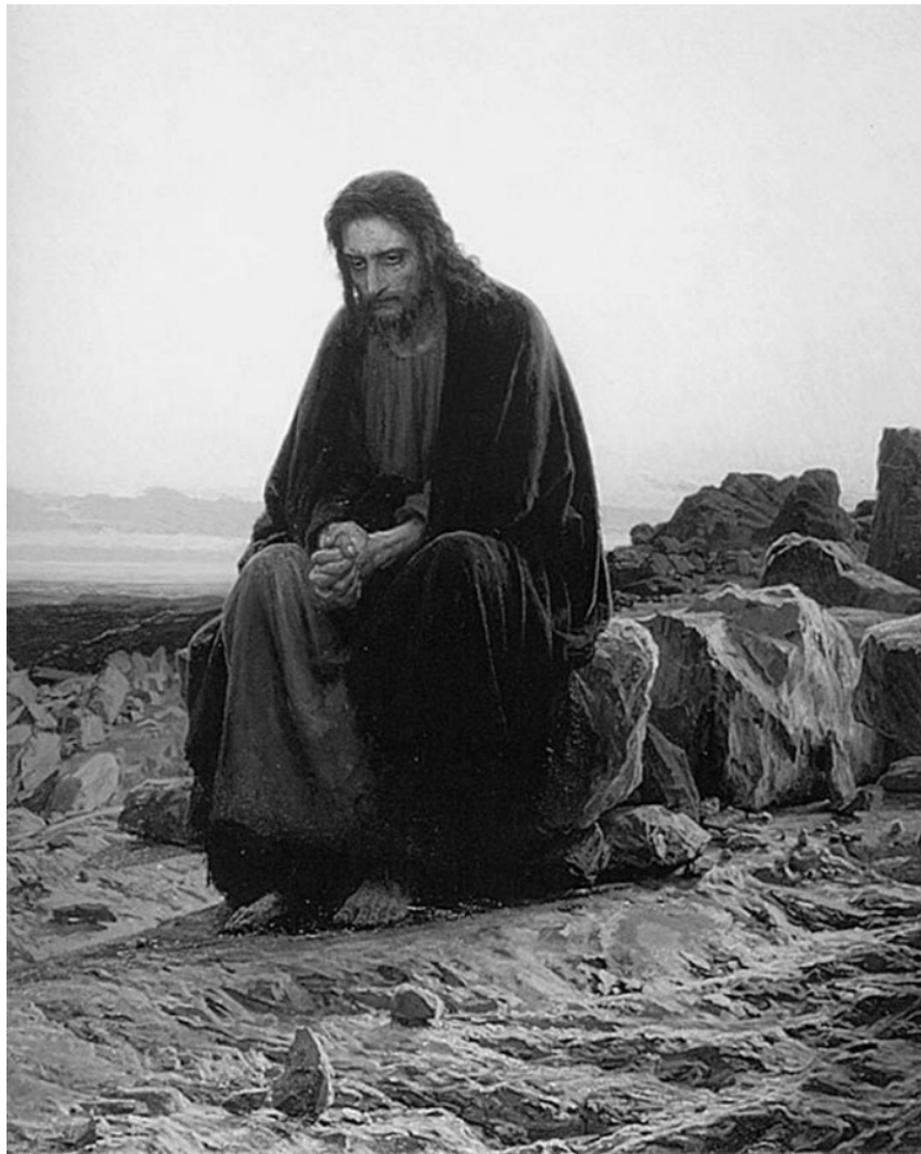
От редакции

«Человек – мера всех вещей»

*Т. Н. Грановский о
периодизации истории*

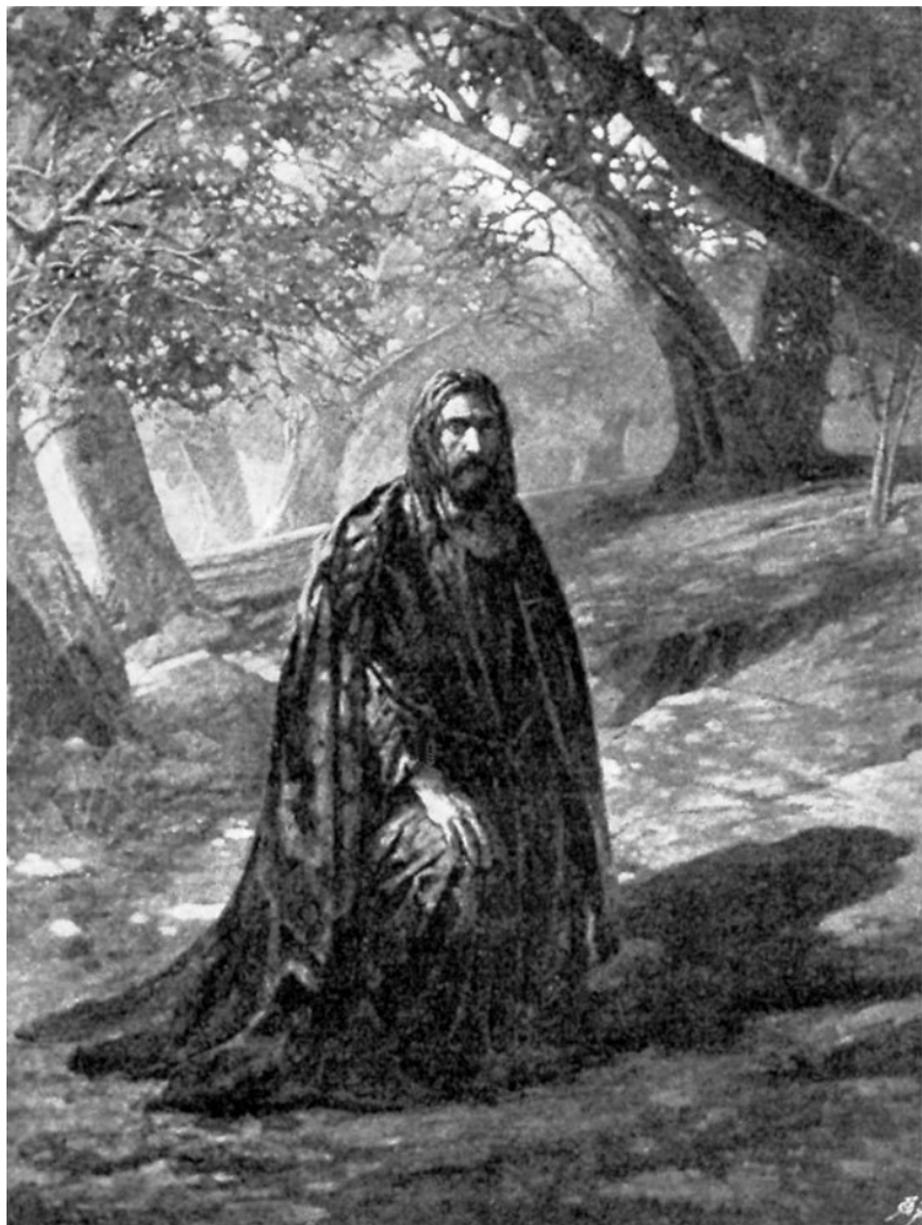


Ввиду великих вопросов, решаемых западными обществами, человеку с мыслящим умом и благородным сердцем нельзя не принимать участия в судьбе человечества, нельзя не оглянуться назад и не поискать ключа к открытию причин тех загадочных явлений, на которые мы смотрели и смотрим с удивлением. Этот ключ найти нетрудно. Этот ключ – история прошедшего времени: деятель на поприще истории – человек, один и тот же, со всеми своими достоинствами и недостатками, и история – живое, связное, органическое целое: мы не поймем настоящего, если не будем знать прошедшего, а события последних 60 лет Европы более объясняют всю древнюю историю, чем другие какие-либо исследования.



И. Крамской. Христос в пустыне. 1873 г.

Более, нежели когда-нибудь, история имеет право на внимание в настоящее время. Мы уже однажды основательно заметили, что к истории надобно приступать с большею простотою мысли и чувства. Надобно отказаться от всякого наперед составленного построения истории – она наука сложная и вместе простая: сложная потому, что в состав свой принимает все другие науки (ибо она требует многостороннего обозрения), и простая потому, что требует простого взгляда, отсутствия всех предрассудков, предубеждений, ложных толкований, парадоксов и всяких чисто самолюбивых толков. Известно, что в великом движении, которое обнаружилось в сфере истории в наше столетие, часто повторялось следующее выражение, девиз, так сказать, который был причиною искаженного понимания истории. Нужно смотреть на каждое время с его точки зрения, устранив современные взгляды и предубеждения и перенесясь в положение данной эпохи.



Н. Ге. Христос в саду Гефсиманском

Мысль, сама по себе глубоко верная и справедливая, в приложении подверглась значительному искажению, особенно, может быть, в Германии, ибо не все ее верно поняли. Стараясь оторваться от настоящего, большая часть историков смотрит на прошедшее как на нечто, отдельно существовавшее, на нечто, отрезанное, так сказать, от настоящего времени, смотрит на человека древнего и средневекового как на определившегося известным политическим положением, известным складом идей и т. д., так что в формах определений заслоняется самая сущность, т. е. сам человек, и, таким образом, выпускаются из виду исторические деятели, люди, чьи действия постоянно изменяются вследствие перемены идей, но которые всегда остаются людьми с теми же страстями и с постоянным стремлением к одной великой цели; так что при одной и той же цели различны только пути, более или менее в ту и другую эпоху сознательные, так что весь прогресс истории заключается в том, что человечество становится сознательнее и цель бытия его яснее и определеннее. Только сказав это, можем мы достигнуть до истинного понимания истории. Зная, к чему идет человечество, постоянно мы с небольшим усилием можем видеть, почему в данный момент еще невозможно было достигнуть цели, каких условий недоставало к тому; увидев человечество в различные эпохи жизни его, мы не упадем духом, ибо уви-

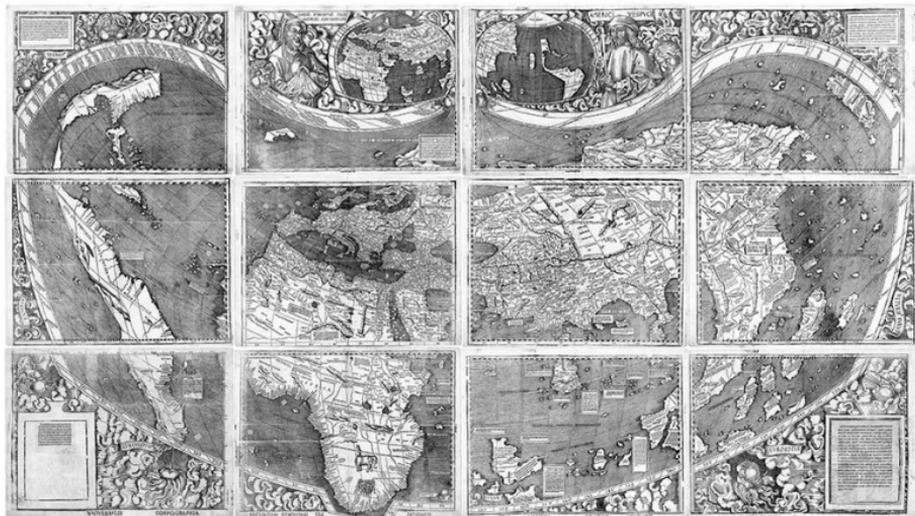
дим его после многочисленных мужественных опытов не достигшим цели, но и не падшим.



Джованни Паоло Панини. Древний Рим. 1757 г.

Нет сомнения, что последние 60 лет европейской истории более поясняют древнюю историю, нежели все исследования филологов, устранившихся от влияния современной жизни, и каждый момент современности, понятый человеком с историческим смыслом, имеет влияние на понимание древней жизни человечества, ибо история есть нечто живое, связное, органическое. Доказательство недалеко – мысль нашу вполне оправдывает настоящая эпоха. Здесь нам, русским, открывается великое и прекрасное поле: устраненные от движения, которое захватило все народы, бросив их на пути, тогда как конец далеко не виден, устраненные от этого движения, мы стоим на пороге, т. е. Европы, наблюдателями движения, и притом не праздными: движения европейской жизни находят отголоски и у нас, мы стараемся понять их и из них извлечь поучительный пример, в чем и состоит собственно русское воззрение на историю. Это, впрочем, не значит, чтобы мы смотрели на историю Запада с исключительной мелконациональной точки зрения; нет, мы должны наблюдать. Западный человек брошен в различные партии и потому не может быть наблюдателем той драмы, в которой сам принимает участие; он ищет в прошедшем оправдания своей мысли, и на настоящие моменты ему некогда обратить внимание. Итак, нетрудно понять, до какой степени выгоднее наше положение. Не нужно вдаваться в дальнейшее объ-

яснение этой мысли, ибо весь курс будет оправданием идеи, теперь высказанной.



Мартин Вальдземюллер. Карта мира. 1507 г.

История Средних веков начинается по обыкновенному построению падением Западной Римской империи и оканчивается или открытием Америки, или Реформацией. Но разделять таким образом историю, значит резать ее по живому; одним годом нельзя отделить древнего мира от среднего; переходы от одной жизни к другой совершаются постепенно и медленно и составляют отдельные весьма поучительные эпохи истории. Таков переходный период от древней истории к средней, период разложения древних форм и образования средневековых; такой же мы можем заметить при переходе

от средневековой жизни к новой: еще с XIII века заметно начинается постепенное разложение средневековых форм, появление новых идей, требование нового порядка и продолжается до XVI столетия.

Резкое разграничение древней, средней и новой истории существует с недавних пор, именно с начала XVIII столетия, когда историю делили еще на периоды, высказывая к тому довольно наивную причину, что читателю на известной эпохе должно остановиться как бы для отдыха и спокойно обозреть все пройденное.



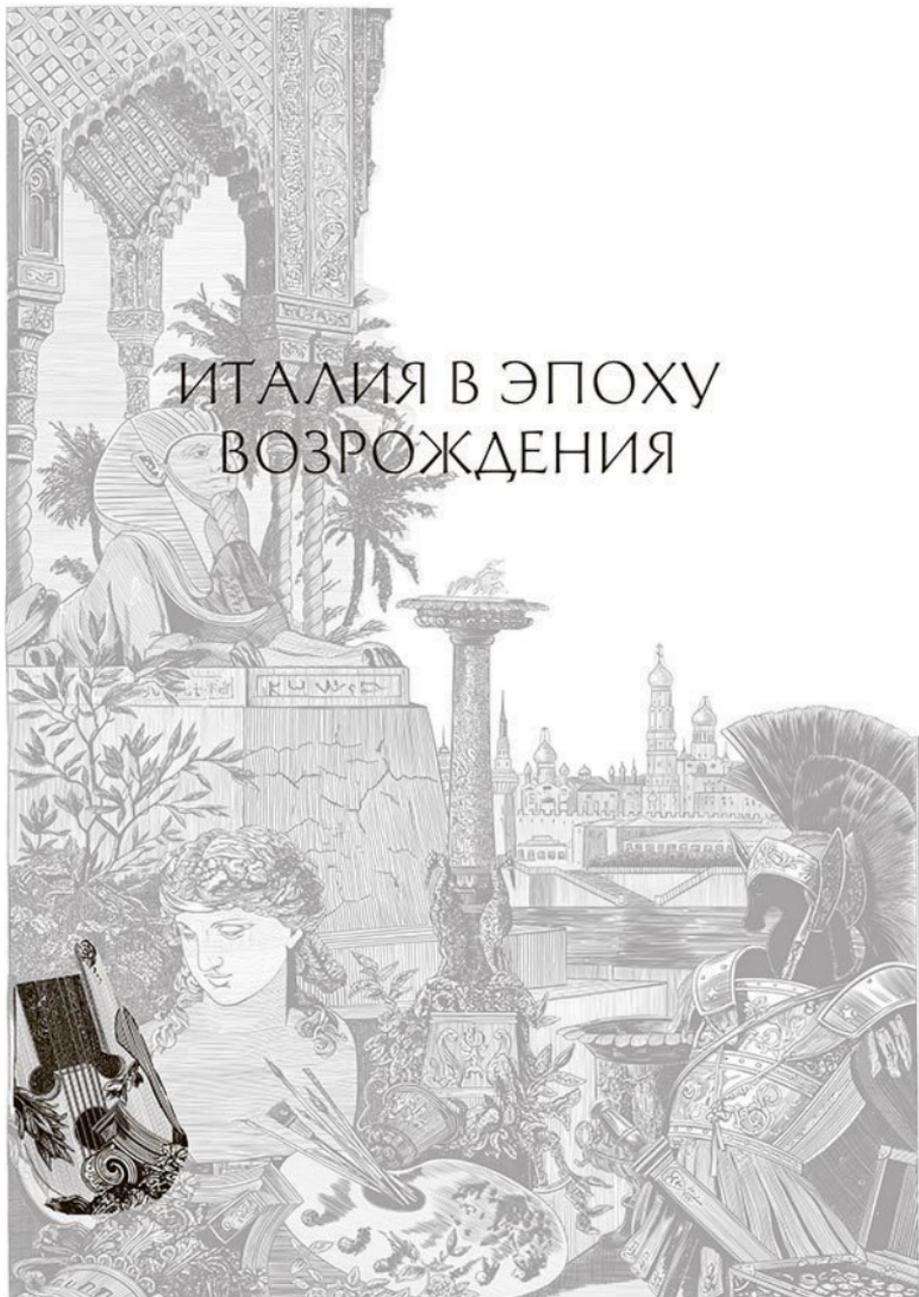
Джованни Паоло Панини. Древний Рим. 1757 г.

Впрочем, основание деления истории справедливо, хотя и здесь нельзя не сделать нескольких упреков. Древний мир сам по себе представляет полный завершившийся период развития рода человеческого с дряхлыми неподвижными общинами Востока, коих поучительные развалины до сих пор призывают к созерцанию первобытных форм общества; Греция и Рим представляют картину и юного, и зрелого, и состарившегося человечества. Так называемый мир классиче-

ский, греко-римский, имел определенное число идей, лежавших в основе всей его жизни; мы присутствуем при зарождении этих идей, видим изящное осуществление их в известных формах и, наконец, поучаем над разложением этих форм; мы можем проследить жизнь этих начал от первого их зарождения и до последнего конца, т. е. до конца V ст. по Р. Х., когда эти начала стали изнашиваться, так сказать, человечеством. Но гораздо труднее отделить среднюю историю от новой и еще доселе можно принять в истории два отдела: мир языческий и мир христианский. Конец XV века и начало XVI лягут рубежом между средневековым порядком и новым, но не таким резким, как V век; здесь осталось то же христианство, многие начала остались те же, только в новой форме, под новыми оболочками. Устранив Россию от западной истории до XVIII века, когда она связывается с Европой Петром Великим, мы можем сказать, что средневековая Европа есть Европа феодально-католическая, а последние три столетия – переходные от этого порядка к другому, которого мы еще не знаем, от средней истории к новой, еще нам не известной. Следовательно, эти три столетия, протекшие со времени окончания средней истории, аналогически сходны с теми, которые оканчивают древний мир; другими словами: здесь разложение западного общества, там падение республики, падение империи и явление новой формы, нам уже известной.

Италия в эпоху Возрождения
*Высший расцвет искусств. – Великие
мастера. – Леонардо да Винчи. –
Микеланджело. – Рафаэль. –
Венеция с Тицианом во главе*

ИТАЛИЯ В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ



I

Возрождение Италии началось как раз с того события, которое известно под именем Авиньонского пленения пап. Латинский язык, как язык богослужения, сделал Рим космополитом, позволил играть ему международную роль; все люди одного направления и одного духа говорили на одном языке. Развитие европейской литературы как раз совпало с упадком латинского католичества. Живая мысль пробилась сквозь прежний мертвый язык; летаргический сон Средних веков проходил; латинский бред сменялся жизненной, гибкой речью. Явился Данте, который создал не только «Божественную комедию», но и язык для нее. Общий поворот в мыслях и понятиях совершился. Папа Николай V был меценатом и наук, и искусств, а соперником ему в этом деле был его друг Козимо Медичи, который призвал, умирая, не священника, а философа, утешавшего Козиму примерами и цитатами из греческой философии. При общем подъеме духа возрождались и старогреческая литература. Петрарка вместе с Боккаччо изучали греческих авторов, понимая, что на эллинских образцах зиждется фундамент всемирной литературы.

bilecra difirence plimialadeti Gotti
7 vandali 7 vngari. fue spogiatu cru
bata 7 lagone uita tagliata 7 mozza.

nao uescoue difirreco p quella pessima
gente di Totile: e il suo corpo giace in
scã reparata.



Разрушение Флоренции войсками Атилы

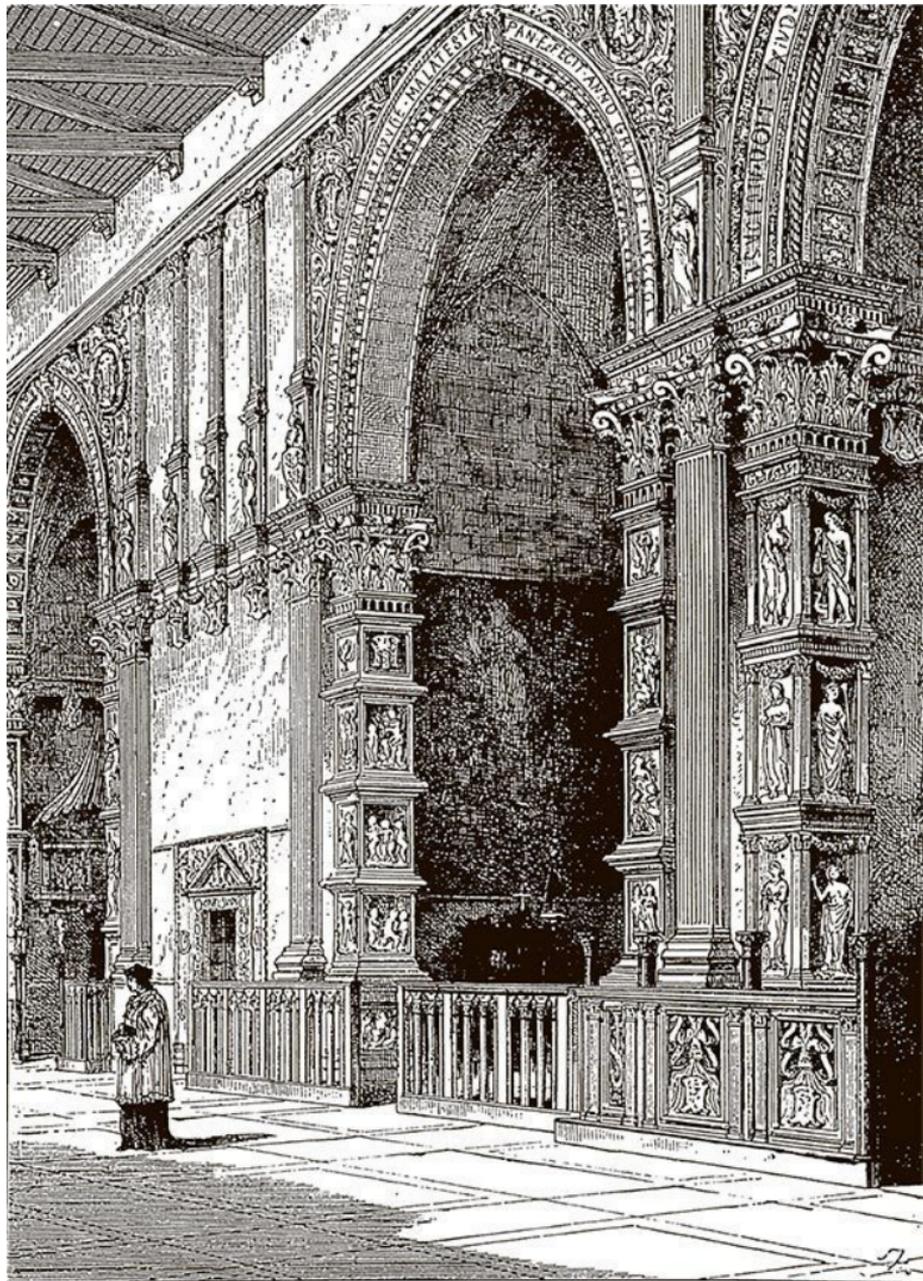
Во второй половине XV столетия два новых мира открылись для Европы: один был открыт Христофором Колумбом, другой – взятием турками Константинополя; один перевернул торговлю мира, другой – вызвал религиозное брожение.



Cy dist de la bataille qui fu entre loth et le maréchal au grant haart et
le roy de muon.

E quant le dux d'auvergne loth as tartars lor extamement que
le roy lui tenoit faire a li grant gent a doubte pour ce que il
n'avoit que .xiiij. hommes a cheval. mais sans faille il estoit
moult vaillant homme d'armes et saiges et acoustumez y
d'armes et de bataille et moult bons d'extame loth et avoit es
niches d'armes. Il ordonna moult et amonnesta bien sa gent. et bien pourvint
pour defendre lui et sa gent car il avoit moult bonz gens d'armes avec loth.
Et pourquoy vous serons lonc compte. Sachies que loth des tartars ten
deant tout ensemble .xiiij. a cheval ou plain de terrain a leurs ennemis et il leur
les attendoient a bataille. Et ce firent il par grant sens et par bon d'extame que
il avoient. car de l'oultre et plain avoit un plain moult grant et moult y
plain d'arbres. en tale maniere attendoient les tartars leurs ennemis. Or l'at
tendons de leurs ennemis. Or sachies que quant le roy muon fu saourz avec
son ost. li se partant d'oultre ou il estoit et se multant ala voie et vidoient au
plain de terrain. la ou les tartars estoient tout appareillie. Et quant il furent
venus en tel plain pres de leurs ennemis a une mille. li fist appareillie le roy
les oliphans a tous les chateaux et les hommes desus pour combatre. Et
puis ordonna les hommes a cheval et a pie moult largement et bien come
saiges roys que il estoit. et quant il ot ordonne et adrept tout son affaire li
commencia a aller contre les ennemis a bataille. Et quant les tartars les

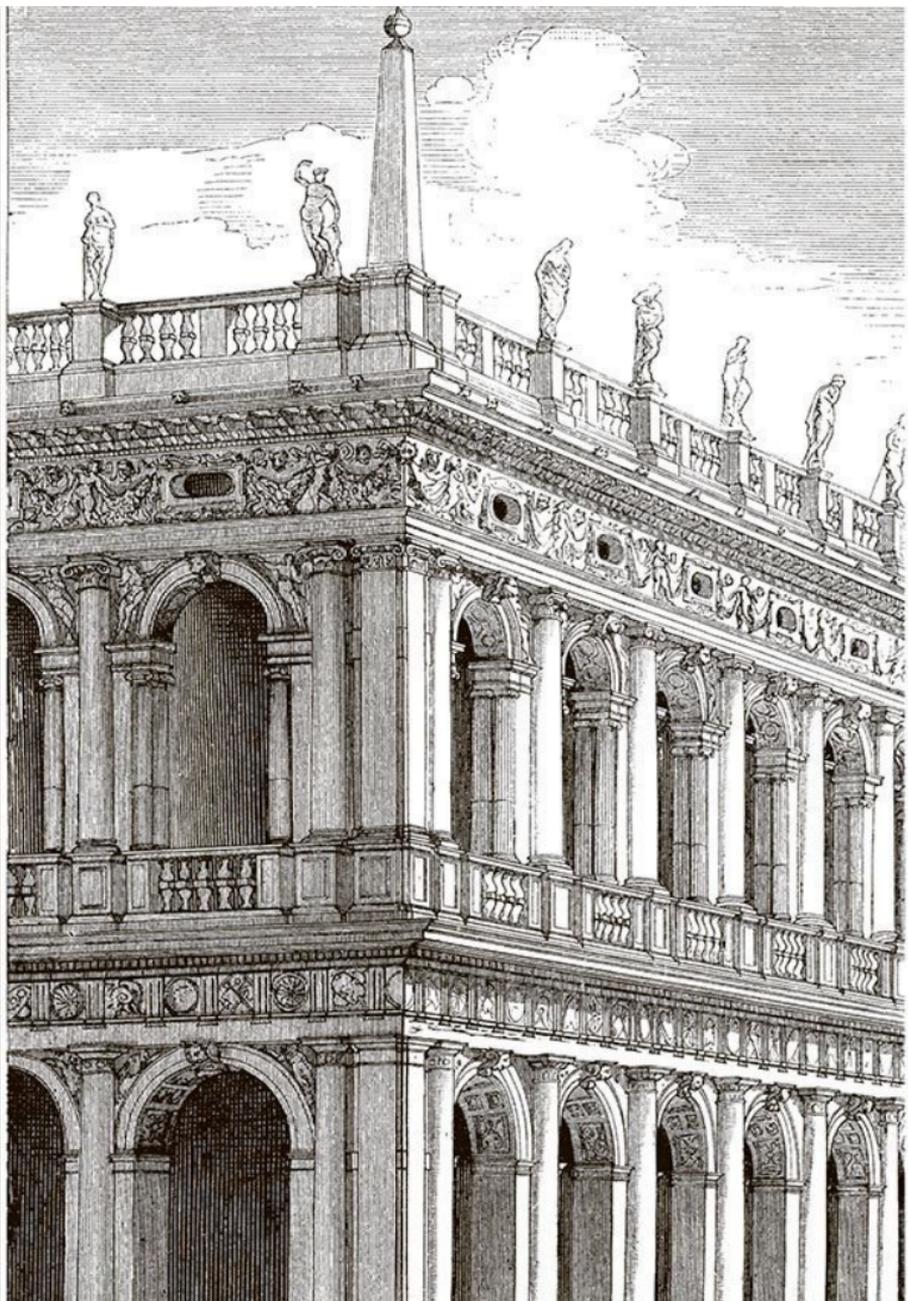
Греческая литература водворилась в Италии с помощью турецкого оружия. Латинский перевод Библии, считавшийся до тех пор непогрешимым, потерял свой авторитет при сравнении с греческими и еврейскими подлинниками. Латинское Евангелие было, по удачному замечанию, вторичным распятием между двумя разбойниками.



Собор в Римини

Около 1440 года изобретается книгопечатание. Искусство это сразу достигает удивительных результатов, и во главе нового движения стоит Венеция. За первые 30 лет книгопечатания из 10 000 изданий, вышедших в Европе, на долю Венеции приходится 2835. Правительство, сносившееся с народом при помощи церкви, теперь, с изобретением прессы, могло прийти в непосредственное с ним общение, и таким образом государство от церкви отделилось. Но, конечно, пасторская кафедра стояла долгое время могучим соперником прессы. Для крестьянина дорога, хотя по воспоминаниям детства, воскресная проповедь и вся церковная обстановка: он получил имя через священника, он перед алтарем соединился формальным путем с той, которая была для него дороже всего в жизни, за валом церковного двора мирно спали все его милые, переселившиеся в лучший мир, ожидавшие всеобщего воскрешения. С помощью церковных кафедр можно сделать многое, и примером этого может служить даже современная Америка; в Нью-Йорке воскресные речи священника производят гораздо более влияния, чем все газетные статьи. Но нельзя отрицать в то же время громадного значения прессы, если она твердо стоит на данной почве. Во всяком случае – слушать и читать не одно и то же: одно – акт пассивный, другое – активный. Как бы ни было красноречиво ораторство, – район его воздействия на умы

ограничен; аудитория журнала колоссальна. Журналистика влияет на массы; газеты в наше время делают любую речь орудием силы, придают ей значение политическое, выводя ее из замкнутого круга слушателей и передавая массе.



Библиотека в Венеции

В XV веке обстоятельства сложились так, что умственное первенство Италии стало неизбежным. Англия была занята губительной войной Алой и Белой роз, и там во всей силе царили те грубые, безумные сцены варварства и насилия, блестящие картины которого с такой гениальной силой отражаются в произведениях Шекспира. Вся Англия представляла собой или ряд укрепленных замков, или жалкие деревянные домики с окнами без стекол, с соломой вместо кровати; охотники, небогатые фермеры, солдатские шайки – вот население Англии. В Германии шла война гуситов, не менее жестокая, чем война роз. Кулачное право было на первом плане; пьянство, грубость и безобразия были ее отличительными признаками.



Рафаэль Санти. Афинская школа

Во Франции дворянство все время не сходит с лошади; англичане господствуют в стране; общее неблагоустройство таково, что волки забегают к самому Парижу. Феодалное право еще охватывает всю Европу: там пьют, едят и дерутся.

Не то в Италии, – здесь новое веяние, новое государство. Здесь цветет торговля, сюда стекаются капиталы, призрак войны не тревожит воображение. В сношениях с соседями силу кулачного права заменяет дипломатия. После того как античная цивилизация пала, мы здесь впервые встречаемся с обществом, которое живет умственным наслаждением. Двор Версаля был только потомком итальянской утонченно-

сти. Ученые не таятся уже по монастырям в пыльных книгохранилищах – их правительство вызывает на арену общественной деятельности, они становятся секретарями, министрами.

Учреждается Академия философии, восстанавливаются пиры Платона. В особую залу собирается цвет учености и искусства и здесь беседует между собой без чинов и этикета о тех вопросах, которые так часто тревожат воображение, не находя себе ответа.

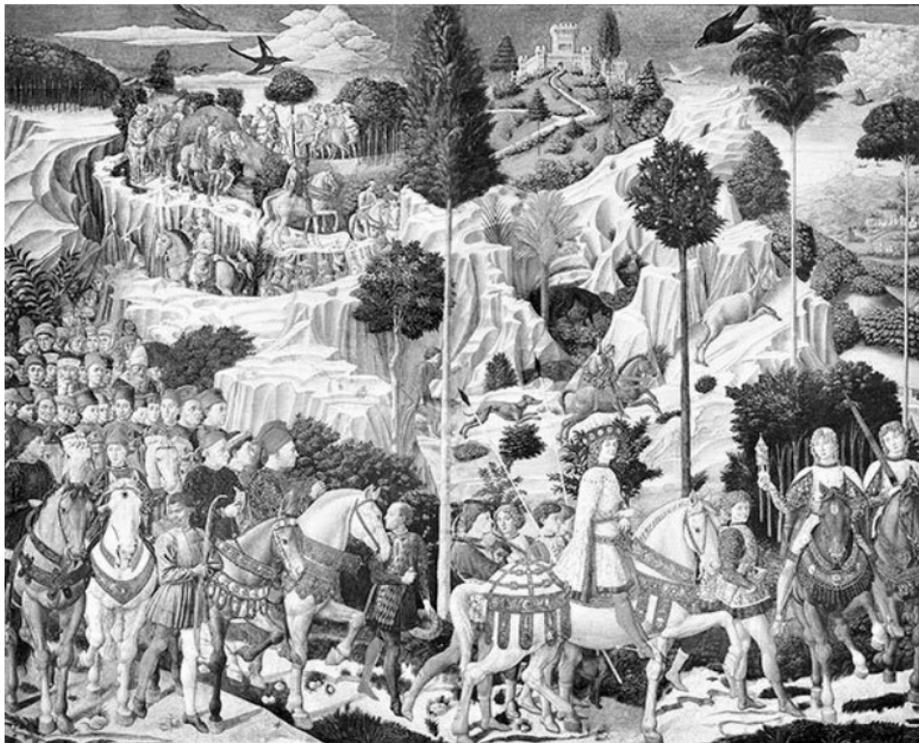
Конечно, нравы и характеры общества сильно смягчились; изящная обстановка породила изящное обращение. Жизнь шла весело и шумно, каждый дом мецената и дворец был действительно приютом веселия. Итальянцы давали полный простор своей оригинальности и гибкости ума, не стесняясь никакими формальностями, сменяя ужин танцами, танцы – веселыми загадками и болтовней.

Искусство было так сродни душе их; умение рисовать и знание живописи считалось необходимым. Взгляд современников на женщину отличался свежестью и простотой. Они требовали, чтобы женщина была всегда ровна, спокойна в своих манерах, всегда подчинена правилам приличия, но живость ума должна удалять ее от скуки; она должна держаться середины, которая составлена бывает иногда из крайностей, но доходит до известных границ, никогда их не переступая. Недоступность женщины не есть еще добродетель и достоинство ее; зачем ей чуждаться общества, случайно

услышанной свободной фразы, игривого выражения; да и вообще манеры дикой застенчивости противны в обществе. Для того чтобы показать себя свободной и любезной, разумеется, не надо держать себя неприлично, вступать со всеми в ненужную короткость; поступать так – значит заставлять о себе думать хуже, чем надо. Если разговоры не нравятся или кажутся неприличными и если женщина умна, – она всегда сумеет с легким румянцем на лице свести разговор на другой предмет, более приличный. И действительно, в эпоху Медици мы встречаем в Италии женщин огромного образования, изящного вкуса и ума, с восторгом отзывающихся на благородные теории Бембо, – о всеобъемлющей чистой любви.

II

Жизнь Италии в эпоху Возрождения и жизнь наша так далеки друг от друга, представляют такой удивительный контраст со стороны внешней декоративности! Однообразно серенький тон жизни нашего большого города, наш скучный черный мужской костюм, отсутствие истинного вкуса в современных дамских нарядах, – представляют такую разницу с великолепием обстановки и костюма Италии!..



Беноццо Гоццолли. Процессия семейства Медичи. 1459–1460 гг.

Когда герцог объезжает страну, за ним едет несколько тысяч человек свиты, одетых в бархат, в шелк; он едет на охоту с сотнями собак и соколов. Герцогиня Лукреция Борджиа въезжала в Рим со свитой в 200 амазонок, из которых каждая имела своего кавалера. Вся жизнь Италии – какая-то выставка, какой-то чудесный парад, одно сплошное блестящее празднество. Наслаждения – вот основной жизненный

принцип: наслаждаться следует всем – и умом, и чувством, а в особенности глазами. Никакие религиозные идеи, никакие обращения язычников, вопросы о народном образовании не волнуют итальянцев. Они не религиозны, они привели в ужас Лютера своим безбожием. Идя в церковь, они говорили, что делают поблажку народному суеверию.



Неизвестный автор. Сжигание итальянского доминиканского священника Джироламо Савонаролы и двух его товарищей. Лист из книги «Деяния и памятники самых необычных и запоминающихся вещей, происходящих в церкви, с универсальной историей одного и того же: где в целом рассуждают вся раса и ход церкви, начиная с первобытной эпохи»

По выражению Лютера, они или эпикурейцы, или фанатики. Пуще всего на свете они боятся святых Себастьяна и Антония, потому что святые эти насылают язвы; они боятся их гораздо больше, чем самого Бога; они не верят ни в воскрешение, ни в вечную жизнь; их философы не признают ни души, ни откровения. Над монастырями смеются; монахи служат постоянным оселком насмешек.

Разврат и безбожие действительно занимали в Италии не малое место, и Савонарола, который прямо объявлял, что жизнь Рима по преимуществу свинская, был совершенно прав.



Микеланджело Буонарроти. Автопортрет

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.